

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОДВИГ В ГОДЫ БЛОКАДЫ

Екатерина Колосова,

директор Музея истории Российского государственного педуниверситета им. А.И. Герцена, доцент, кандидат педагогических наук

Виталий Щеглов,

доцент кафедры этнопедагогики и этнопсихологии Российского государственного педуниверситета им. А.И. Герцена, кандидат психологических наук

В начале 1942 года Ленинград казался пустынным, вымершим городом. Вереницы прохожих медленно тянулись только вдоль магистральных проспектов, пешеходные тропки пересекали Неву, сходились у прорубей, где можно было зачерпнуть воды. Сугробы завалили улицы и переулки, скрыли пороховую гарь и обломки разрушенных бомбами зданий. И очень редко можно было увидеть детскую фигурку, согнувшуюся под тяжестью ведра или медленно пробирающуюся по направлению к реке.

Все эти подробности известны по гравюрам и фотографиям блокадного Ленинграда и по свидетельствам военных корреспондентов. Однако Ленинград не был умирающим городом, он жил и боролся. Далеко не все ленинградцы лежали на кроватях, прикрытые одеялами и шубами. Многие не только работали, не только спасали других людей, но и находили время, чтобы учиться и учить, защищать дипломные проекты, писать стихи, выводить математические формулы. И не группы энтузиастов, а тысячи ленинградских педагогов были в то время заняты обычным своим делом, правда, в тяжелейших, нечеловеческих условиях: учили, воспитывали, сохраняли порученных им детей.

Вот воспоминания Анны Александровны Люблинской — доктора психологических наук, профессора, которая в декабре 1942 года была заведующей детским садом № 32 Петроградского района: «В детском саду уже все ребятишки привыкли к сигналам воздушной тревоги. Взрослые и дети слушают эти сигналы с какой-то удивительной спокойной деловитостью. Все знают, что надо делать... Именно делать, а не переживать. Дети

только что спокойно сидели за играми, но пальтишки их всегда наготове... Педагоги, няни, бухгалтер — бросают все дела и бегут в раздевалки, хлопают дверцы шкафчиков; старшие быстро одеваются сами и бегут в бомбоубежище. Если кто-либо из взрослых не сдержит волнения и неосторожно крикнет на детей или на коллегу, если не на месте фонарь или потеряны спички, тревога, как искра, заражает детей. Тогда они волнуются, начинают плакать, некоторые малыши, уже испытавшие ужас разрушений и страх бомбёжки, судорожно цепляются за няню, за руководительницу,

ища у них защиты и покоя... Быстро, быстро, скорее в бомбоубежище!

Мы бежим со своими группами по бомбоубежищам. Детей много: мы прячем их в подвалах соседних домов. Для этого надо пере-сесть два двора. В помещении нашего детского сада нет ничего похожего на бомбоубежище. Скорей! Скорей!.. Уже идёт воздушный бой. Зенитные батареи работают непрерывно. Фашисты разрушают самые лучшие дома нашего города, они загнали в глубокий подвал десятки тысяч маленьких детей, кото-

рые сидят там испуганные и покорные, притихшие и такие беспомощные. Мы стараемся отвлечь детей от этого грохота, от ударов и взрывов, отголоски которых проникают даже сюда, в глубокий подвал. Я начинаю рассказывать длинную историю, которую выдумываю тут же, вплетая в неё самые невероятные приключения, неожиданные эпизоды, фантастические превращения.

Внимание детей занято. Широко открытыми глазами они смотрят на меня и забывают обо всём. Но проходит время... Тревога длится уже второй час. Мы затеваем игры за столом, дети читают стихи, рассматривают картинки. Как му-

чительно тянется время... Ребятишки начинают капризничать, они утомились сидеть без движения, устали от темноты, от неудобной одежды, от тесноты, от напряжённого ожидания сигнала отбоя воздушной тревоги. Они проголодались и озябли. А бомбёжка наверху продолжается...»

В этих воспоминаниях столько драматизма, тревоги, боли и в то же время — спокойствие, деловитость, мужество. Эти строки дают представление не только об учебном быте дошкольных образовательных учреждений блокадного города, но и о программе обучения и воспитания ребёнка-дошкольника в далёком 1942-м. Они позволяют осознать, на каком эмпирическом материале развивалась в военные и послевоенные годы наша детская психология как наука, одним из ярчайших представителей которой была и есть А.А. Люблинская.

С началом войны большинство ленинградских школ было занято под казармы, госпитали, общежития для эвакуированных в Ленинград литовцев, эстонцев, жителей западных районов области. С большим трудом удавалось освобождать школьные здания от учреждений штаба и тыла фронта, вернуть их в распоряжение Наркомпроса, который принял решение начать 1941/42 учебный год в школах города.

За парты сели около тридцати пяти тысяч учеников. Но постепенно число детей, способных посещать занятия, уменьшилось: малолетки не могли преодолевать снежные заносы, а провожать их до школы часто было некому. По различным причинам выбывали из списков и старшеклассники, и учителя. Поэтому городской отдел народного образования изменил структуру школ. С начала 1942 года функционировали так называемые «кустовые» школьные учреждения, созданные на базе нескольких школ микрорайона и размещавшиеся в наиболее удобном здании с тёплыми подвалами.

Программы обучения остались прежними. Но учителя могли вносить

Анна Александровна Люблинская

коррективы в план урока. В зависимости от самочувствия школьников, от погодных условий, от темы занятий они имели право сократить урок или продолжить его, заменить диктант устным чтением, сделать внеплановый перерыв. Кустовые школы располагались в разных частях огромного города, связь между ними почти отсутствовала. Инспекторы городского отдела народного образования не могли часто обходить пешком все сорок продолжавших свою работу ленинградских школ. Обстановка в городе уравнивала возможности педагогического воздействия на школьников, даже самому опытному и самоотверженному учителю было трудно чем-то выделиться среди своих коллег.

Вот что вспоминает Евгения Тихоновна Фёдорова — секретарь партийной организации Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена первых послевоенных лет (в годы войны она была заместителем председателя Ленгорисполкома) — о работе школы № 211 Куйбышевского района Ленинграда, размещавшейся на улице Плеханова (ныне Казанской):

«Интересы государства представлял здесь директор школы, именно он отвечал за противовоздушную оборону объекта. Осенью 1941 года эта обязанность была возложена на бывшего заведующего учебной частью Петра Филипповича Мацкевича. Именно он возглавлял впоследствии учебное заведение, созданное на базе 208-й, 209-й, 210-й и 221-й школ района. Объясняется это тем, что здание на улице Плеханова имело обширные (до 1000 м) подвалы, а директор этой объединённой школы прошёл боевую выучку на Гражданской. Его военный опыт очень пригодился в выборе помещений школы, безопасных при обстрелах, в организации боевого дежурства на крышах здания и т.п. К тому же П.Ф. Мацкевич был хорошим педагогом.

Заведующей учебной частью была назначена Варвара Семёновна Климашова, учительница математики, возглавляв-

шая одновременно и противопожарный расчёт. Трудно сказать, какая из её нагрузок была основной. После того как здание школы покинул артиллерийско-пулемётный батальон, сформированный в основном из студентов и преподавателей Ленинградского педагогического института, организовать посты пожарной охраны на таких больших площадях было нелёгким делом. Тем более что в распоряжении Варвары Семёновны оказалось всего несколько мальчиков, способных лазать по чердакам.

Заведующая библиотекой Эсфирь Григорьевна Добкина исполняла совершенно несвойственную мирному времени работу: она вела поголовный учёт школьников, присутствующих на занятиях в тот день, чтобы сделать заявку в роно на определённое количество порций дрожжевого супа. Эта зеленоватая жидкость, не имеющая вкуса, по внешнему виду похожая на квас для окрошки, содержала, очевидно, какие-то калории, так как ученики полу-

Евгения Тихоновна Фёдорова

лучали свои порции по талончикам, заверенным печатью. Если же кто-то из школьников, регулярно посещавших занятия, не являлся в тот день в школу, Эсфирь Григорьевна отправлялась искать его по домашнему адресу. Это тоже было нелёгким делом: район приписки учеников к этой школе расширился.

В ноябре 1941 года 211-ю школу посещали около 300 учеников, распределённых по десяти группам, то есть по количеству отсеков школьного подвала. В каждой группе, как правило, было два классных журнала, причём состав учеников не был однороден. Занятия проводились таким образом, чтобы можно было нагрузить пяти- и шестиклассников од-

новременно, восьмой и девятый классы также занимали одно помещение и имели одного учителя. Десятый, выпускной класс имел свой отсек. Впрочем, там остались только «выпускницы», так как юноши ушли в армию ещё до начала учебного года.

Хотя параллельные и даже смежные классы часто занимались вместе, опытный учитель, особенно географ или историк, мог выбрать тему, нужную для всей аудитории и интересную каждому ученику.

В подвале была установлена водогрейная печь, топившаяся обломками школьной мебели, кусками антрацита, найденного в остывшей кочегарке, старыми галошами и волейбольными покрышками. Во всяком случае, температура поддерживалась на уровне 4–5 градусов тепла. Под физкультурным залом было оборудовано что-то вроде уборной, там ученик мог снять пальто, повесить его на крючок, в полутьме найти ведро и отправить естественные надобности. Учителя напоминали школьникам о необходимости этой процедуры во избежание колитов и запоров.

Дрожжевой суп доставлялся в термосах, до здания школы его возили, вернее сказать, волокли по снегу две женщины, работницы пищеблока. Банки для этого супа ученики приносили из дому и хранили в классах в специально поставленных для этой цели книжных шкафах. Именно по тому, чья баночка оставалась на полке, дежурные учительницы определяли заболевшего ученика. Как правило, пропустивший занятия один раз переставал ходить в школу вообще. Значит, что-то случилось у него в семье. Но чем мог помочь ему учитель или даже директор, который сам держался лишь благодаря собственному характеру?

Пётр Филиппович Мацкевич закончил этот учебный год лучшим директором в районе. Он сделал выпуск (выпускные классы нескольких кустовых школ весной были объединены и в общей сложности собралось 30 выпускников на 20 школ). Весной 1942 года, проявив упорство и настойчивость, в возрасте 47 лет, с диагнозом дистрофия 2-й степени, вступил добровольцем в Красную армию. Будучи начальником артснабжения дивизии, дошёл до Кёнигсберга. Умер этот замечательный человек через пять лет после войны.

В мае 1942 года вновь заработал Дворец пионеров. Ежедневно сюда приходили ученики. Здесь учащиеся проводили целый день, занимались, питались, отдыхали. В июне во Дворце состоялся бал десятиклассников. Аттестаты об окончании средней школы получили 532 выпускника.

Возвращаясь к событиям зимы 1941–1942 годов, необходимо вспомнить о том, что постепенно нарастал поток безнадзорных детей. Многие милиционеры, возвращаясь с дежурства, приносили в свои отделения детишек, найденных на улицах. Затем их стали приносить управдомы, бойцы комсомольских отрядов, строительные рабочие, обнаружившие детей под обломками зданий, да и посторонние люди, нашедшие детей в подьездах своих домов. Возраст беспризорных колебался от двух до шести лет, и это обстоятельство находит объяснение: грудные дети

обычно погибали вместе с матерью или даже раньше неё, а дети постарше были вполне самостоятельны, чтобы обратиться за помощью к родственникам, знакомым, выйти из дому...

Вскоре был образован «Детский распределитель НКВД» — специально выделенные сотрудники развозили таких детей по больницам, педиатрическим клиникам. Подобный распределитель был создан и при городском отделе народного образования. И если ребёнок попадал в поле зрения городских властей, в частности — под надзор отдела народного образования, то наступал уже черёд других людей поддерживать огонёк жизни в ослабевших, обмороженных, покрытых язвами, сжираемых насекомыми тельцах. В городских районах сначала стихийно, затем узаконенные постановлениями Ленгорисполкома, начали создаваться на базе школ детприёмники, которые, по мере их расширения, получали статус детских домов с полагающимися штатами. Воспитателями назначались обычно учителя тех же школ или того же района, подчинённые роно.

22 января 1942 года Государственный Комитет Обороны принял решение об оказании помощи осаждённому Ленинграду. Этим документом утверждался состав Ленинградской эвакуационной комиссии, её задачи и полномочия. В комиссию входили представители около сотни организаций: районных и отраслевых эвакуационных комиссий, учреждений Ленгоронпрофтехобразования, горздравотдела. В первую очередь нужно было вывезти из города детей и подростков, а их было более двухсот тысяч. Эвакуировались ремесленные училища, специальные школы, техникумы, детские дома. Кроме того, формировались эшелоны для эвакуации ленинградцев, не связанных с оборонными предприятиями.

С.И. Борисова — ответственный секретарь городской эвакуационной комиссии, директор школы № 208, вспоминает: «Конечно, выехавшие в ту зиму через Ладогу по Ладожской трассе, «Дороге жизни»,

могли наблюдать ужасные картины гибели людей от вражеских бомб, от мороза, от голода (ещё чаще люди гибли от несоблюдения режима питания при восстановлении от дистрофии уже за Ладогой). Но никто не скажет, что трасса не была подготовлена к массовым перевозкам людей. Мы в Ленинграде получали информацию о пропускной способности трассы, о количестве вагонов в эшелонах, подаваемых к Финляндскому вокзалу, о типах автомобилей, которые будут задействованы для дальнейшей перевозки людей. Это очень важно: в открытых грузовиках детей старались не отправлять, добываясь фургонов или автобусов».

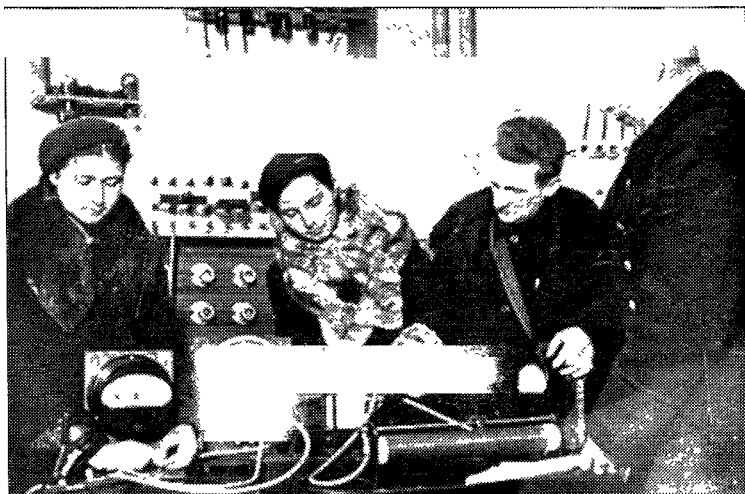
Десятки тысяч детей были вывезены из осаждённого города. А после его освобождения многие вернулись обратно, с тем чтобы возродить его и превратить Ленинград в крупнейший культурный и научный центр страны. Успех в решении задач военного и послевоенного времени стал возможен благодаря сложившейся к этому времени системе образования и подготовки педагогических кадров. Успех любого дела определяют прежде всего люди, их профессионализм, преданность и любовь к своему делу. Тысячи ленинградских педагогов во время войны, блокады и в послевоенное время спасали, сохраняли, учили, воспитывали порученных им детей. Где, кто и как готовил этих специалистов?

Военная биография педагогического вуза

Подготовку педагогических кадров в годы Великой Отечественной войны вёл единственный в Ленинграде педвуз — ЛГПИ им. А.И. Герцена.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз совпало с концом летней экзаменационной сессии — выпускники собирались выехать по месту распределения. Студенты других курсов планировали свои летние каникулы. День 22 июня 1941 года изменил не только эти планы, но и людские судьбы.

В многотиражной газете пединститута «За большевистские педкадры» (№ 25 (440) 27.06.1941) под лозунгом: «Всё для фронта! Всё для Красной армии!» сообщается о двух митингах, которые прошли 23 июня на физико-математическом и историческом факультетах. Свои патриотические чувства в газете выразили студенты истфака Н. Власов (пропал без вести), З. Коляскина (всю войну прослужила медсестрой и оставила в дар Музею истории института свои дневниковые записи). Со статьёй «Беззаветно служить Родине» о единстве фронта и тыла выступил заведующий кафедрой истории средних веков, декан истфака, профессор А.Е. Кудрявцев. Слово этого педагога, воспитавшего 132 кандидата наук, автора более 300 научных работ, было убедительным и авторитетным. В то время газетные публикации способствовали мобилизации коллектива педагогического института на активное участие в укреплении обороны Отечества. (Александр Евгеньевич Кудрявцев умер от голода в начале блокады.)

ЛГПИ, декабрь 1941 г., зачёт по физике. Крайний справа доцент Лялин Сергей Владимирович.

В главном корпусе ЛГПИ им. А.И. Герцена разместился штаб по формированию 1-й гвардейской дивизии народного ополчения Куйбышевского района. Основу дивизии составляли преподаватели и студенты. Своё боевое крещение дивизия получила 11 августа 1941 года в районе города Гатчины. Это соединение прошло всю Великую Отечественную войну, закончив её в 1945 году в южной Германии, как 80-я Любанская ордена Кутузова стрелковая дивизия.

Из 7000 студентов на войну ушли 1004 человека. За первые два года войны были эвакуированы 2138 студентов, 72 аспиранта и 158 профессоров.

Накануне войны в учебном процессе ЛГПИ им. А.И. Герцена участвовали 36 кафедр, на которых трудились 400 преподавателей. Среди них — 58 профессоров, 110 доцентов. Здесь работали академики В.Л. Комаров, А.Е. Ферсман, В.В. Струве,

В.Д. Греков, Е.В. Тарле, члены-корреспонденты В.А. Догель, Н.А. Максимов, Е.С. Истрина, В.М. Жирмунский, И.И. Толстой и многие другие учёные. Только за 1940/41 учебный год было защищено свыше 100 диссертаций. К этому времени ЛГПИ им. А.И. Герцена выпустил более 17 000 учителей, которые работали во всех концах страны. Перед войной институт был одним из крупнейших педагогических вузов СССР.

С началом войны учебный процесс в нём не прекратился. Учёбу студенты сочетали со строительством оборонительных рубежей под Ленинградом, работали на мебельной фабрике, в госпиталях, на оборонных предприятиях города, в противопожарной дружине, команде МПВО, в школах, детских домах и приёмниках, помогали организовывать эвакуацию детей. Накануне войны в Ленинграде училось около 90 000 детей.

В начале войны развернула деятельность лаборатория по изготовлению зажигательных смесей для борьбы с танками про-

Детский сад на территории ЛГПИ им. Герцена. 19 февраля 1942 г.

тивника; при кафедре ботаники начала работать бригада по сбору и первичной обработке мха сфагнума для перевязочных целей.

В связи с размещением в стенах института госпиталя № 1014 студенты взяли над ним шефство и организовали бригады по обслуживанию красных уголков госпиталя, библиотеки-передвижки, кинопередвижки, пошивочную бригаду, обучали раненых иностранным языкам, читали им книги, дежурили у тяжело раненых, организовывали концерты художественной самодеятельности.

После весенне-летней сессии 800 выпускников были направлены в школы, 163 пошли в армию. По указанию Наркомпроса срок обучения сокращался до трёх лет. Большая нагрузка ложилась на коллектив института в связи с уходом специалистов в армию и на студентов: работа на военных объектах, учёба и дежурство в составе подразделений противовоздушной обороны по защите города. В ноябре 1941 года институт выпустил 320 учителей, 11 из них получили дипломы с отличием. В декабре 1941

года учёбу в вузе продолжали 764 студента. Учебный план был изменён: с 6 до 8 часов увеличился учебный день, организованы систематические обзорные лекции и консультации для студентов досрочного выпуска, государственные экзамены проведены в ноябре.

Новым направлением в учебном процессе стала работа с воинами, потерявшими зрение. Возглавил её известный педагог профессор Б. И. Коваленко, ставший в 1944 году одним из первых членов-корреспондентов созданной в 1943 году Академии педагогических наук. При дефектологическом факультете были организованы курсы по подготовке в вуз людей, потерявших зрение. Обучающимся на курсах предоставлялось общежитие, выдавалась стипендия, предоставлялось право поступать в вуз без экзаменов.

8 декабря 1941 года в город Молотовск Кировской области была эвакуирована часть профессуры — 112 человек. Всего с августа 1941 по 4 июля 1942 года выехали 2864 человека, в том числе 2138 студентов, 72 аспиранта, 158 профессоров и преподавателей, 187 служащих и 309 членов их семей. В Ленинграде осталось 288 студентов и 32 преподавателя. Последняя эвакуация состоялась 19 марта 1942 года. В городе для охраны имущества института осталось 27 человек. В музее истории хранятся личные документы директора института Фёдора Фёдоровича Головачёва. В условиях войны он сумел организовать успешную эвакуацию основной части коллектива института в декабре 1941 года. По решению Ленинградского горкома ВКП(б), Ленсовета и по его личной инициативе при институте был открыт стационар — питательный пункт для страдающих дистрофией, что спасло многих преподавателей и сотрудников вуза.

В фонде музея хранятся воспоминания участников боевых действий на фронтах войны, тружеников тыла, детей военного времени, написанные после войны, а также дневники, письма, документы, рисунки, вещи — непосредственные свидетельства этих событий.

Профессор Л.Е. Раскин, которому в октябре 1943 года было поручено возглавить кафедру педагогики, оставил свои мемуары о школе в дни великой ленинградской эпопеи: «Война. Ленинградские учителя прервали свой отпуск. Они охраняют школьные здания, освобождают их для военных наук, они мужественно под обстрелом фашистских самолётов перевозят детей из пионерских лагерей в город. Первые жертвы... В городе ещё тихо... Эвакуация детского населения из города. Учителя наскоро сколачивают интернатские коллективы. Они вывозят детей в восточные районы области, а затем оттуда дальше в глубь страны. Жужжат вражеские самолёты, обстреливают детские поезда. И снова жертвы... В ноябре для старшеклассников открыли двери сотни школ. Воздушные налёты следуют один за другим. Урок то и дело прерывался... У учителя два плана урока: один обычный, другой на случай переноса занятия в тускло освещённые и мало приспособленные апартаменты подвальных помещений... В городе нет света и тепла. Выбыли из строя водопровод и канализация. Школам разрешено временно приостановить учебную работу. Но в 39 школах учителя и ученики не прекращают занятий ни на день...

В мае 1943 года состоялась первая за время войны научно-педагогическая конференция. Замечательные доклады учителей — результат их напряжённой творческой работы. В дни блокады прошла детская художественная и научная олимпиады. Учителя Ленинграда остались верны себе: забота о воспитании творческих стремлений ни на час не прекращалась» (Учитель Ленинграда в дни блокады / Педагогические беседы. 1945. № 1. С. 3—7 (рукопись). Большинство учителей, совершивших подвиг в блокадном городе, были выпускниками герценовского института.

С конца мая по август 1942 года начался второй период эвакуации института под руководством профессора психологии С.Л. Рубинштейна. В городе Кисловод-

ске сотрудники института вместе со студентами помогали местным колхозам и совхозам, шефствовали над местными школами, состояли внештатными лекторами горкома и Ставропольского крайкома партии. Профессор С.Л. Рубинштейн за учебник «Основы общей психологии» получил в то время Сталинскую премию.

В связи с наступлением фашистских войск на Кавказ герценовцы эвакуировались из Кисловодска в сентябре 1942 года в город Кыштым Челябинской области. В составе группы — 41 преподаватель, 10 служащих, 128 студентов, составивших ядро местного коллектива института. К ним присоединилась также группа преподавателей педагогического института им. М.Н. Покровского, Ленинградского института иностранных языков и 9 студентов этого института. Сотрудникам и студентам института было предоставлено общежитие; часть из них расселили по домам горожан, выдали им тёплые зимние вещи — полушубки и валенки, а также дрова, продовольствие. В 1942/43 учебном году в институте на Урале учились 226 студентов, в 1943/44 году — около 300 человек. Для занятий использовали здание Кыштымского педагогического училища и местные школы. В Кыштыме велась также научно-исследовательская и общественная работа. 2 октября 1942 года в невероятно трудных условиях начались учебные занятия.

К концу 1942/43 учебного года профессорско-преподавательский состав института насчитывал 61 человека. В их числе 9 профессоров, 22 доцента, 6 докторов и 36 кандидатов наук. Педагогические кадры позволили институту обеспечить выполнение учебных планов. В стенах вуза трудились сотрудники администрации и педагоги 19 кафедр, 7 факультетов педагогического и 4 факультетов учительского института. Удалось сформировать учебную библиотеку, используя для этого разрозненные книжные фонды Челябинска, Свердловска и Шадринска. В 1943 году вузовская библиотека в Кыштыме насчитывала 5600 книг. В 1943—1944 годы в институте обучались 34 учебные группы; занятия велись с 7.30 утра до 24 часов. В 1943 году была возобновлена подготовка аспирантов. В очной аспирантуре учились 30 человек, в заочной — 8. В Кыштыме 18 человек защитили диссертацию на соискание учёной степени кандидата наук. Зимой 1942/43 учебного года состоялся военный выпуск — 78 человек. Их направили в школы. Так, в Ленинградскую область поехали обучать детей 16 человек, в Хабаровский край — 6, в Алтайский край — 9, в Тульскую, Орловскую, Челябинскую, Куйбышевскую области — по 3 человека и 24 выпускника в другие области. 8 человек были рекомендованы в аспирантуру института. К этому времени выпускники педагогического института были на строгом учёте ввиду острой нехватки учителей.

Условия войны во многом определили интерес учёных института (биологов, экономистов, географов и геологов) к проблемам развития уральского региона. Например, кафедра ботаники во главе с Ф.Д. Сказкиным подготовила работы о вегета-

тивном размножении картофеля, о дикорастущих полезных растениях Урала. А.С. Гинзберг возглавил коллектив геологов, исследовавших породы Кыштымского района с точки зрения сырья для каменно-литейного дела.

Герценовцы подготовили 3 тома «Учёных записок», один из которых был посвящён вопросам педагогики. Над ним тщательно трудились П.А. Знаменский, В.Н. Вернадский, Н.А. Шербакова, В.А. Десницкий, Е.Я. Галант, Н.П. Гринкова, Н.Г. Казанский. Каждый из них был ярким специалистом в области педагогики и методики её преподавания.

Педагог Е.И. Зейлигер, историки Ф.Ф. Головачёв, В.Н. Вернадский и Ю.К. Круберг стали авторами научно-популярных брошюр, опубликованных в челябинском издательстве. Первые итоги научной работы были подведены 18–19 ноября 1943 года на конференции в Кыштыме, посвящённой 25-летию ЛГПИ им. А.И. Герцена. В программу этой научной конференции был включён доклад директора института Ф.Ф. Головачёва «25 лет Педагогическому институту». С анализом научно-исследовательской работы института выступил А.С. Гинзберг. Основные вопросы обучения и воспитания раскрыты профессором Е.Я. Голант. Яркий доклад на тему «Воспитание патриотизма в школе на литературном материале» сделал профессор В.А. Десницкий. На конференции обсуждены насущные вопросы преподавания в школе. Участники научного форума заслушали сообщение на тему «Ленинград — город славы и героизма». Таким образом, научная конференция в Кыштыме дала новый учебно-воспитательный и научный импульс деятельности всего институтского коллектива. К началу 1944 года по инициативе Ф.Ф. Головачёва коллектив института собрал в фонд восстановления Ленинграда 50 000 рублей. Это поступок отмечен телеграммой Верховного Главнокомандующего.

1943/44 учебный год в Кыштыме герценовцы встретили более подготовленными к суровой уральской зиме. Летом студенты собрали урожай овощей с трёх гектаров институтского огорода. Учебные группы заготовили 280 кубометров дров. Из них 100 кубометров было предназначено для институтского общежития, а 50 — для школы. Приобрели лошадь для доставки продуктов. В это время на первый курс было зачислено 259 человек. Из них осенью 1943 года приступили к занятиям 194 студента. Студенты работали также на предприятиях Челябинской области, что сказалось на численности студенческих коллективов и их успеваемости. В 1943/44 учебном году она была невысокой, поскольку «... большинство студентов не выходило за пределы лекционных записей и учебника». Весной 1944 года в Кыштыме были выпущены из стен вуза 110 учителей.

В это время в учебные планы педагогических институтов был введён курс «Организация и методика физического воспитания в школе». Согласно учебным планам, утверждённым в 1943–1944 годах, в педагогических институтах могли быть семь факультетов: русского языка и литературы, исторический,

географический, естествознания, математический, физический, иностранных языков. Срок обучения — четырёхлетний. В обязательном порядке студенты занимались на всех факультетах военной подготовкой. Специальный рабочий план военной подготовки включал: строевую подготовку (22 часа), огневую (4 часа изучали винтовку ТПЗ), военную топографию (6 часов), Устав РККА (4 часа), ориентирование на местности (4 часа).

Особый интерес представляют учебные планы по истории и иностранным языкам. Студенту, получающему специальность «история», для формирования у него историзма мышления и патриотизма, приобретения глубоких профессиональных знаний преподавались фундаментальные учебные дисциплины. В условиях военного времени программа отражала проводимую в стране политику возрождения исторических традиций. Ведь именно тогда было восстановлено патриаршество, введены погоны, офицерские собрания, праздничные салюты в честь побед.

Учебный план по английскому, немецкому и французскому языкам предусматривал подготовку студентов как военных переводчиков для нужд фронта.

1 сентября 1943 года ЛГПИ им. А.И. Герцена, продолжая работать на Урале, объявил приём студентов в Ленинграде. 15 октября 1943 года в блокадном Ленинграде приступил к учебным занятиям филиал ЛГПИ. Сюда поступили 904 студента на дневное отделение и 425 студентов на заочное. Среди них 154 учителя, 213 работников партийных и комсомольских органов, 183 работающих на заводах, 165 — в госпиталях, 125 из военных организаций и 116 участников военных действий.

В январе 1944 года была полностью снята блокада. С июля по сентябрь соотрудники возвращались из эвакуации. В это время институт располагал уже достаточно сильным педагогическим коллективом, и в октябре 1944 года был объявлен новый приём студентов. Институт приступил к занятиям в полном составе.

В 1944/45 учебном году в стенах института обучались более 3600 студентов и 54 аспиранта. Помимо занятий студентам и преподавателям приходилось заготавливать дрова, очищать мостовые от снега и льда, дежурить на особо важных объектах города. ВККВШ при СНК 4 ноября 1944 года утвердил состав Учёного совета института по присуждению учёных степеней доктора и кандидата наук. Учебный процесс после эвакуации становился более насыщенным и полнокровным.

Развивалась в это время и институтская наука. В 1945 году было защищено 5 кандидатских диссертаций. К маю 1945 года преподаватели сдали в печать 13 учебных пособий для вузов и школ, 2 тома «Учёных записок».

За годы войны ЛГПИ им. А.И. Герцена подготовил и направил в школы 1774 выпускника. В 1945 году работали 46 докторов наук, 186 доцентов, за короткое время институт достиг довоенного уровня.

В годы Великой Отечественной войны финансовая поддержка фронта со стороны населения стала олицетворением единства военнослужащих и трудящихся тыла нашей страны. Общая цифра собранных средств в Фонд обороны и Фонд Красной Армии составила 17 миллиардов рублей. Этой работой занимались специальные комиссии на местах. Так, например, в сводке №1, хранящейся в университете им. А.И. Герцена, отмечается, что с 1 по 12 августа 1941 года герценовцы собрали в Фонд обороны 11 548 рублей наличными деньгами, 140 200 рублей облигациями, сдали 67,8 г золота, 1748,7 г серебра. Кроме того, сдавали тёплые вещи для фронта. В дальнейшем работники ЛГПИ делали отчисления в Фонд обороны из своей зарплаты. Так, за июль — август 1941 года они сдали 2832 рубля 70 копеек.

В музее университета хранится документ, который свидетельствует, что в самые тяжёлые дни блокады Ленинграда герценовцы, как и многие другие жители нашего города, собирали средства

на приобретение боевой техники для вооружённых сил. В нём отмечено: «8 марта 1943 года. Квитанция. Принять от работников Ленинградского филиала Государственного педагогического института им. А.И. Герцена на танковую колонну для вооружения Красной Армии. Сумма: семьсот восемьдесят рублей» и прилагался список 9 герценовцев, сдавших деньги. Назовём их: П.П. Ефремова, Е.С. Григорьева, М.Н. Семёнова, М.Н. Куликова, Е.С. Люстарник, К.В. Нещербет, А.В. Васильева, М.Н. Митлина, Л.В. Панова.

В отчёте о культурно-массовой и шефской работе института сообщалось, что герценовцы собрали 11 тысяч рублей на строительство самолёта «Ленинградский студент». Сбор средств на покупку техники для армии и флота свидетельствует о воспитании у студентов патриотизма. Всего за годы войны в Советском Союзе на средства населения было построено более 2,5 тысяч боевых самолётов, более 20 подводных лодок, 30,5 тысяч танков и другой военной техники.

В послевоенный период институт оказался в чрезвычайно сложном положении. По оценке Госкомиссии, общий ущерб, нанесённый вузу за годы войны, составил 1 578 633 рубля в послевоенных ценах. Разрушены многие учебные корпуса, повреждено или уничтожено учебное и научно-исследовательское оборудование.

Часть учебных площадей заняли сторонние организации, часть зданий, общежитий, по сути, были отобраны у института. Однако уже к 1948/49 учебному году была восстановлена численность студентов, профессорско-преподавательского состава, налажена работа аспирантуры. В 1948 году институт торжественно отпраздновал 30-летие со дня основания.

Учителя Ленинграда всегда были и остаются верны себе: забота о воспитании подрастающего поколения ни на час не прекращалась ни в суровые годы войны, ни в тяжёлое послевоенное время, ни во времена застоя и перестройки, ни в наше многотрудное время. И ещё: большинство учителей, совершавших подвиг в блокадном городе и творящих его сегодня, — выпускники герценовского института.

Екатерина Колосова и Виталий Щеглов